

Русская Православная церковь не признает такую идею свободы. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл в беседе в программе «Зеркало» в марте 2001 г. объяснил, в чем церковь видит недостатки диалога с Западом. Запад предлагает свои цивилизационные стандарты в качестве основы для глобализации в единый мир. Они были выработаны без диалога с другими цивилизациями, производные прежде всего от ценностей протестантизма. Православная религия утверждает, что свобода имеет границы – это границы греха. Мы выступаем, говорит Митрополит Кирилл, против гомосексуализма, против аборт, против такого использования частной собственности, когда она приводит к разрушениям и несправедливости. Нужен диалог, нужно, чтобы и другие цивилизационные стандарты учитывались при формировании правил проживания в едином мире. Однако этого не происходит.

Сама идея толерантности оказывается производной от конкретики законов или структур коллективной жизни западного общества, соответствует потребностям, интересам и целям членов этого общества, теряет свое содержание и привлекательность, будучи обращенной вовне, в реальной политической практике международной жизни. Она выгодна сильному западному обществу, которое относится к обществам Первого эшелона. Общества Второго и Третьего эшелонов вынуждены принимать подобные стандарты, которые оборачиваются для них потерей собственной самодостаточности. Отсюда неизбежно сопротивление и та непопулярность идеи толерантности, о которой было сказано в начале нашего текста.

*Кандидат философских наук
И. В. Цветкова
Тольятти*

«ДРУГОЙ» В ФИЛОСОФИИ Э. МУНЬЕ

Проблема формирования образа «другого» имеет большое значение для персоналистов. Французский философ Э. Мунье характерной чертой современного общества считает обезличивание. Каждая личность мало-помалу отвергает себя в пользу безличного «он». «Идеи, действия лишаются

своего содержания и превращаются в своего рода человеческую протоплазму: время от времени какая-нибудь встряска приводит ее в движение, и тогда то, что в каждом из нас еще осталось от совести, воодушевляет нас, но это нисколько не мешает нам продолжать растворяться в мире «он», – пишет Э. Мунье (1. С. 66).

В современном обществе отсутствует внутреннее единение, существует лишь «сближение», которое осуществляется автоматически с помощью средств массовой информации. Здесь нет «ближнего», а существуют только «подобные». Одна лишь незначительная случайность соединяет и разъединяет их. Это – полная деградация человека, не имеющего внутреннего содержания, а потому неспособного на подлинную встречу с себе подобными.

Э. Мунье рассматривает взаимосвязь между ступенями формирования общества и личности. На первом этапе, считает французский философ, происходит осознание анонимности жизни личности. Соответственно первый шаг к формированию сообщества – это осознание безразличия собственной жизни: безразличия по отношению к другим, обособленности от других. Анонимный мир «он» находится ниже порога, который свидетельствует о появлении первых признаков сообщества.

Для появления «другого» требуется реальность иного качества. На самом низком уровне «другой» выступает лишь отражением, «двойником», происходит первичный акт самоудвоения. Первичное общество для индивида – это игра теней, связанных между собой различными отношениями. В зависимости от той силы, какой наделила их жизнь, они могут сближать индивида с людьми, а могут обособлять, способны помогать или мешать.

На этой стадии формирования личности индивид не замечает подлога. Ему кажется, что он идет к другим людям, на деле же он общается со своими призраками. «Мне кажется, что я интересуюсь другим человеком, жалею его, замаливаю его грехи, а на самом деле я обращаюсь к своему другому «Я», оплакиваю его или одобряю,» – пишет Э. Мунье (1. С. 67). Каждый ищет соответствия тому, что наиболее ему дорого, что является его внутренним достоянием, и называет такое

соответствие своим другом. В этом аспекте «любовь» – это полный отказ от собственного «я», растворение в личности другого. Если все происходит именно таким образом, если партнер оказывается слабовольным, то они удовлетворяются этим и хранят ему верность, ну, а если один из партнеров проявит больше самостоятельности, то при первом же столкновении или размолвке он идет прочь. Такой же способ взаимодействия существует между индивидами, которые объединяются в партии.

Формирование «другого» по образу и подобию себя не является преодолением собственного безразличия. Индивид наделяет своими чертами окружающих, чтобы иметь возможность жить в мире людей. Это замаскированный нарциссизм, конформизм, но не подлинная сопричастность.

В сообществе по типу *«наш брат такой-то»* притязания индивида, казалось бы, сходят на нет, поскольку здесь на первый план выходит *Мы*. Мир *«оп»* был неопределенным, мир *«наш брат такой-то»* обладает собственными границами и энергично утверждает себя в их пределах. В отличие от покорного и безразличного мира *«оп»*, мир *«наш брат такой-то»* закален добровольной, а нередко героической и самоотверженной борьбой за общее дело.

Подобное сообщество основывается на иллюзии посвящения себя общему делу. Здесь нет свободы личности, индивид превращается в часть социального механизма. Преимущество такого объединения в том, что оно помогает индивиду освободиться от тревог, избежать выбора и многих обязательств, благодаря иллюзии коллективного действия. Выгода носит индивидуальный характер, что же касается издержек, то они всегда на совести коллектива.

Сообщество на своей элементарной стадии выступает против личности. Индивид идет на компромисс между чем-то великим, к которому он испытывает стремление, и спокойствием, которое он обожает. Коллективизм не разрушает мир *«оп»*. «Поляризированный конформизм все равно остается конформизмом, таким же шатким, как и однородный конформизм», – пишет Э. Мунье (1. С. 68).

Сообщество не может возникнуть спонтанно, это доказывает пример общества, сколоченного по типу *«мы»*, *«наш*

брат такой-то». Французский философ приводит пример малых групп, которые, на первый взгляд, имеют иную структуру взаимодействия между индивидами: рабочая бригада, спортивный клуб, солдаты в окопе, молодежное движение, кружок, дачники, класс, экипаж. Здесь все не так уж удалены друг от друга, в пределах досягаемости находится и руководитель. Цель группы уже тогда, когда она формируется, люди создают сами и чувствуют это. Ее история переживается изо дня в день, здесь не питаются слухами, как это происходит в обществах *«наш брат такой-то»*. Однако подобное объединение основывается на эмоциональном возбуждении, порождающем дух объединенности. Не следует путать ажиотаж (болтовню, движение, возбуждение) с реальным сотрудничеством, углубленностью, общностью.

Э. Мунье делает вывод, что невозможно достичь сообщества, игнорируя личность, основать сообщество на чем-либо ином, кроме прочно утвердившихся личностей. *Мы* следует за *Я* или, точнее, поскольку они не возникают отдельно друг от друга, *Мы* вытекает из *Я*; *Мы* не может предшествовать *Я*. *Мы* как духовная реальность, являющаяся результатом *Я*, возникает не из стирания личностей, а из их осуществления (См.: 1. С. 70). Только посредством самоуглубления личность получает способность предчувствовать и желать другого. Постижение личности происходит индивидуально, вот почему опыт сообщества – опыт ближнего. Ценность частной жизни состоит в возможности создания нескольких сообществ, где личность может достичь своего самозавершения, а не в ограниченности от других, не в рутинном использовании средств (См.: 1. С. 71).

Личность формируется как таковая, только когда ощущает внутреннее стремление к самореализации, к ценностям, которые превосходят ее. *Мы* начинает становиться общественным, лишь когда каждый из его членов открывает для себя другого как личность. *Мы* реализует себя как сообщество лишь с того момента, когда каждая из особенных личностей заботится в первую очередь о том, чтобы подняться над собой во имя особенных ценностей ее собственного призвания, и сама начинает возвышаться вместе с каждой из них.

Такое сообщество образуется лишь путем движения от ближнего к ближнему, формируется вокруг каждой личности как ядра, которое тут же упрочивает свою прочность и как бы подгнивает, если хотя бы одна из личностей перестает воздействовать на все сообщество.

Итак, обучение жизни в сообществе – это обучение восприятию ближнего как личности в его отношении к моей личности, что было когда-то удачно названо обучением общению с Ты (См.:1. С. 71). Другой превращается в элемент общества с того момента, когда становится для какой-то другой личности *второй личностью*, то есть когда он желаем ею как первая личность во взаимоотношениях с нею. Философия третьего лица называется пантеизмом, или философией чистой имманентности. В персоналистском сообществе имманентность является взаимопроникновением личностей, которые продолжают оставаться *Я* и *Ты*; она всегда предполагает и некоторую разделенность, уединенность, сохранение индивидуальности каждого.

Литература

1. Мунье Э. Персоналистская и общностная революция // Мунье Э. Манифест персонализма. М., 1999.